

На правах рукописи

ЛЕПШОКОВ ХАСАН СУЛЕЙМАНОВИЧ

**Типы временной нелокализованности действия
(на материале карачаево-балкарского и
русского языков)**

Специальность
10. 02. 19. – «Теория языка»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре карачаево-балкарской и нogaйской филологии Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор **Башиева С.К.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Алимова А.А.**
кандидат филологических наук, доцент **Додуева А.Т.**

Ведущая организация - Институт языкознания РАН

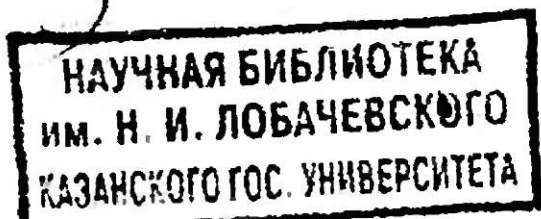
Защита состоится «5» октября 2001 г. в _____ часов
на заседании диссертационного совета Д.212. 076. 05 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук (10. 02. 19) в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Кабардино-Балкарского государственного университета.

Автореферат разослан «5» сентября 2001 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

З.М. Габуниа
З.М. Габуниа

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования связана с тем, что развитие современных грамматических направлений характеризуется пристальным вниманием к семантической структуре грамматических категорий и поисками методов для их адекватного описания. Функциональный подход способствует совершенствованию методов описания языка, стимулирует поиски новых путей выявления системных связей и взаимозависимостей между его отдельными элементами и подсистемами, ориентированных на реализацию отдельных функциональных заданий. Поэтому далеко не случайно то внимание, которое в последние годы проявляют лингвисты к функциональным грамматикам разных языков, к тем направлениям, которые рассматривают функционирование разноуровневых языковых средств при реализации коммуникативного задания, то есть избирают движение описания от означаемого к означающему, от функции к средству выражения.

Необходимость разработки функциональной грамматики диктуется, с одной стороны, логикой развития лингвистической теории, обращающейся к функциональным системам, а с другой стороны - потребностями практики активного изучения языков. Человек, изучающий тот или иной язык, должен получить необходимую информацию о том, какими средствами выражаются те или иные разновидности семантики предела, длительности, кратности, квалитативности и т.п.

Язык реализует коммуникативное задание, но каждый язык выполняет эту основную функцию благодаря уникальному функционированию элементов именно в данной конкретной языковой системе. Это значит, что различия языков в таком плане проходят не по линии их общей целевой направленности, но по линии функциональной предназначенности их отдельных элементов, компонентов, ярусов или уровней, а также своеобразия структурных связей между такими элементами при реализации одной и той же цели. Именно внутреннее устройство языка, его субстанциональные возможности (специфические для каждого уровня) и сложившаяся система внутренних связей опреде-

ляет тот или иной путь, которым и осуществляется с помощью этого языка коммуникация. Содержательное представление о «языковом типе» имеет важное значение и для сопоставительных исследований, для контрастивной грамматики. В.Н. Ярцева отмечает, что «вовлечение в зону исследования как структурных, так и смысловых черт сравниваемых языков дает гарантию, что специфические особенности, отделяющие языки, не будут забыты, и вместе с тем анализ будет осуществляться на основе явлений, существующих в обоих языках» (Ярцева 1981:38). Очевидно, что функциональный подход в наивысшей степени способствует раскрытию межуровневых и межкатегориальных связей, а также внутрикатегориального структурирования языка. Актуальность исследования определяется и необходимостью специального анализа содержательной вариативности типов временной нелокализованности действия при функционировании форм будущего времени в русском и карачаево-балкарском языках, так как явление локализованности / нелокализованности носит, как и большинство семантических категорий, универсальный характер. В то же время категориальные и частные значения форм времени активно взаимодействуют с семантикой временной локализованности / нелокализованности. Это взаимодействие по-разному осуществляется при функционировании той или иной временной формы того или иного конкретного языка, что в разной степени обусловливается взаимодействием глагольной формы и окружающей среды.

Наше понимание данной проблемы базируется на концепции, разработанной Ю.С.Масловым и А.В.Бондарко (Маслов 1959, 1965, 1978; Бондарко 1971, 1983, 1987, 1990, 1991, 1996), согласно которой временная локализованность / нелокализованность включается в число важнейших актуализационных признаков высказывания. Обращение к уровню высказывания дает возможность более полно и адекватно представить семантическую категорию временной локализованности / нелокализованности в ее выражении взаимодействующими средствами разных уровней системы языка. Данный подход представлен работами А.В. Бондарко, а также С.К. Цейтлиной, М.А. Шелякина, В.С. Храковского, Г.И. Пановой, Л.Н. Оркиной, Ю.А. Пупынина,

М.Б. Нуртазиной, Д.М. Насилова, Ф.М. Ибрагимовой, Д.Г. Тумашевой, С.Н. Смирнова, Ф.М. Хисамовой и др.

Изучение глагольных форм карачаево-балкарского языка развивалось в русле общего направления грамматических исследований по тюркским языкам. На формирование научных взглядов по общим проблемам карачаево-балкарской грамматики оказали большое влияние труды общетюркского характера Н.А. Баскакова, А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, Б.Ч. Чарыярова, А.М. Щербака и других ученых. Неоценимое значение для изучения глагольных категорий карачаево - балкарского глагола имеют грамматические исследования по глаголу Б.А. Серебренникова, С.Н. Иванова, Н.З. Гаджиевой, А.А. Юлдашева, Э.А. Груниной, П.И. Кузнецова, Ш. Шукурова, Д.М. Насилова, Х.Г. Нигматова, К.М. Любимова.

Карачаево-балкарскими исследователями широко используются теоретические труды по русскому и другим языкам А.А. Потебни, А.А. Пешковского, В.Н. Ярцевой, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, В.С. Храковского, Р.О. Якобсона.

Выбор в качестве объекта исследования высказываний с формами будущего времени обусловлен тем обстоятельством, что при функционировании форм будущего времени нелокализованное действие часто связано с реализацией дополнительных модальных оттенков. Значение объективной данности в таких формах может различаться по степени абстрагированности от значения простой повторяемости до будущего вневременного. Наличие/отсутствие специальной грамматической категории вида в карачаево-балкарском и русском языках предполагает наличие разных средств выражения признака временной нелокализованности, что представляет собой определенный интерес в плане исследования.

Предметом исследования являются типы временной нелокализованности действия, представленные в высказываниях с формами будущего времени глаголов изъявительного наклонения в карачаево-балкарском и русском языках.

Локализованность/нелокализованность действия во времени представляет собой особую функционально-семантиче-

скую категорию, которая относится к области пересечения полей аспектуальности, темпоральности, таксиса, квалитативности.

Как в карачаево-балкарском, так и в русском языках, оппозиция локализованности/нелокализованности действия во времени не опирается на специальную систему грамматических форм, но находит свое выражение во взаимодействии отдельных грамматических категорий с элементами разных языковых уровней, участвующих в передаче смысла высказывания. Обычно под этим признаком понимается прикрепленность / неприкрепленность действия к конкретному моменту (отрезку времени) (Бондарко 1971: 56-61). По отношению к данному признаку выделяются действия (и шире - ситуации) конкретные (локализованные) и абстрактные (нелокализованные во времени).

В русском и тюркском языкознании существует обширная специальная литература по глаголу и отдельным его грамматическим категориям. В ней исследованы присущие им значения и некоторые стилистические функции (Виноградов 1947; Маслов 1948, 1959, 1965, 1978, 1984; Баскаков 1956; Кононов 1956; Юлдашев 1956; Мазон 1962; Кошмидер 1962; Урусбиев 1963, 1976; Грунина 1966; Бондарко 1967, 1971, 1976, 1983, 1987, 1990, 1996; Тумашева 1986; Юсупов 1986 и др.). И тем не менее продолжают существовать противоречивые суждения об объеме временных форм, различные толкования семантических признаков тех или иных грамматических форм. К настоящему времени еще недостаточно выявлен семантический потенциал форм времени, лица, наклонения, не в полной мере изучено взаимодействие грамматических форм глагола, а также влияние окружающей среды. Все это говорит не столько о недостатках грамматических исследований, сколько об отражении отдельного этапа их развития, так как внимание к содержательной стороне языковых единиц усилилось лишь в последние десятилетия.

Цель настоящего исследования - изучение семантической и формальной структуры признака временной нелокализованности действия - обусловила постановку следующих задач:

- 1) выделить типы, разновидности и варианты ситуаций нелокализованности действия во времени;
- 2) выявить закономерности взаимодействия в рамках функционально-семантического поля нелокализованности ас-

пектуальных, темпоральных, таксисных, квалитативных и других значений;

3) установить систему языковых средств выражения значения нелокализованности в карачаево-балкарском и русском языках;

4) выявить особенности реализации значения временной нелокализованности действия при функционировании форм будущего времени в русском и карачаево-балкарском языках.

Научная новизна работы определяется тем фактором, что она является первым специальным исследованием функционально-семантического поля локализованности/ нелокализованности на материале высказываний с формами будущего времени в русском и карачаево-балкарском языках, в результате которого впервые выявлена и описана система субкатегориальных значений нелокализованности действия во времени при функционировании форм будущего времени.

Анализ языкового материала позволил выделить и описать ряд закономерностей взаимодействия семантической категории временной локализованности/нелокализованности действия с семантическими категориями таксиса, аспектуальности, темпоральности, длительности, компаративности, квалитативности. Исследование связано с актуальными проблемами выделения и описания категориальных ситуаций как содержательных структур, образующих многоступенчатую систему семантической вариативности, в сочетании с описанием системы средств формального выражения.

Источниками исследования послужили разножанровые литературные произведения на русском и карачаево-балкарском языках, а также материалы периодической печати. Диссертация опирается на картотеку, включающую около пяти тысяч примеров на русском и карачаево-балкарском языках.

Методы исследования. В соответствии с целью и задачами исследования анализ языкового материала проведен на основе системы понятий, связанных с подходом к исследованию языковых фактов по принципу функционально-семантического поля и категориальной ситуации (Бондарко 1983).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что основные результаты исследования могут быть использованы

при дальнейшем описании функционально-семантических полей аспектуальности, темпоральности, таксиса, квалитативности, субъектности, а также при анализе межкатегориального взаимодействия языковых единиц карачаево-балкарского и русского языков.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и основных положений в курсе современного карачаево-балкарского языка (при изучении морфологической категории времени, теории предикативности, синтаксиса), при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам функциональной грамматики, а также в процессе преподавания русского языка в национальной школе.

На защиту выносятся следующие положения:

1) различие временной локализованности/нелокализованности действия является одним из универсальных семантических различий в языке;

2) оппозиция временной локализованности/нелокализованности не тождественна оппозиции единичности/повторяемости, а лишь пересекается с нею;

3) функциональный анализ категории временной локализованности/нелокализованности предполагает анализ всей структуры высказывания: способ представления субъекта и объекта, значение предиката, различные способы характеристики интервала, специфическую позицию говорящего и т.п.;

4) при реализации значения временной нелокализованности действия каждая временная форма сохраняет специфические особенности, в частности, функционирование форм будущего времени тесно связано с выражением различных модальных оттенков;

5) реализация тех или иных типов нелокализованности в определенной мере связана с лексическим значением глагола, его предрасположенностью к выражению либо конкретного, либо абстрактного действия.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в докладах и сообщениях на Герценовских чтениях (1990, 1991), на итоговых научных конференциях Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета (1993, 1994, 1996,

1998, 2000), а также на межвузовской конференции «Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность» (Карачаевск 1998).

Основное содержание исследования отражено в четырех публикациях автора.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во введении даётся общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, описывается методика исследования, используемая в работе, рассматриваются вопросы понимания категории локализованности / нелокализованности действия во времени в лингвистике.

В первой главе диссертации «Семантическая категория локализованности / нелокализованности действия во времени в карачаево-балкарском и русском языках» рассматривается функционально-семантическая категория локализованности / нелокализованности действия во времени и основные средства ее выражения в анализируемых языках.

Семантическая категория локализованности / нелокализованности действия во времени представляет собой результат языковой семантической интерпретации одного из аспектов мыслительной категории времени, отражающая такие признаки объективного времени как единичность / повторяемость, последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов.

Современное состояние разработки семантической категории временной локализованности / нелокализованности связано с работами в области функциональной грамматики (Бондарко 1971, 1975, 1987). А.В. Бондарко, опираясь на концепцию Э. Кошмидера (Кошмидер 1962), выделяет три типа временной нелокализованности действия: а) ситуации простой повторяемости; б) ситуации узуальной повторяемости; в) ситуации вневременности. Однако в определении содержательных типов нелокализованности есть определенные расхождения, в частности, это касается ситуаций простой повторяемости. Т.В. Булыгина относит яв-

ления простой повторяемости к сфере локализованности (Булыгина 1982), нами же в настоящей работе за основу взята концепция А.В. Бондарко (Бондарко 1984).

Семантическая категория локализованности/ нелокализованности взаимодействует с аспектуальностью, темпоральностью, таксисом, квалитативностью и вместе с ними образует тот семантический комплекс, который представляет различные стороны более общего (широкого) понятия времени: *Цыплят по осени считают* (Погов.); *Къол бла ургъан джетдиреди, сѣз бла ургъан ёлтюреди* (Посл.) «*Тот, кто бьет рукой, наносит боль, тот, кто словом (бьет) - убивает*».

Разные временные формы по-разному взаимодействуют со значением временной нелокализованности. Наибольшей степенью нелокализованности обладают формы настоящего времени: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* (Погов.); *Тау таугъа тюбемейди, адам адамгъа тюбейди* (Посл.) «*Гора с горой не сходится, человек с человеком встречается*». Формы прошедшего и будущего времени также способны выражать данное значение, однако чаще всего эти формы выражают значение простой и узусальной повторяемости, то есть те разновидности нелокализованности действия во времени, которые менее удаляются в рамки прошлого или будущего.

Различие локализованности / нелокализованности является одним из универсальных семантических различий в понятийном поле аспектуальности и относится к важнейшим актуализационным признакам высказывания, так как значение локализованности / нелокализованности определяет способ распределения действия во времени (прикрепленность / неприкрепленность какого-либо действия к конкретному моменту или отрезку времени).

В карачаево-балкарском и русском языках категория временной локализованности / нелокализованности не опирается на специальную систему грамматических форм, то есть не имеет специальных средств выражения, но находит свое выражение в функционировании глагольных форм при взаимодействии с лексическими, синтаксическими и некоторыми иными средствами

окружающей среды: Елена, чувствуя, что про неё говорят, сидела молча, понутив голову, и щипала пальчиками покройку дивана (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные) ; Къанамат, джа-шагъан джерени тегерегинде не болгъанына къараб, джолуна, ташына, агъачына шагъырей болуб, элге тюшерге кесин джараидырыргъа от этиб, чабырларын хазыр эте тургъанлай: «Кечегиде от джарыгъы узакъгъа барады, кенгден кёрюб, келиб тутуб къоймасынла, эртдембагъа сау чыгъа эсем, дорбунну аллына хуна этмей къоймам» - деб кёлюне келди (Х.Аппаев. Къара кюбюр) «Канамат, внимательно ознакомившись с окрестностью, развел костер и уже готовился к спуску в аул, вдруг подумал: «Ночью свет костра далеко виден, как бы не заметили и внезапно не схватили, завтра же утром, если останусь жив, около входа в пещеру поставлю ограду».

Широкий подход к описанию ситуаций временной нелокализованности предполагает анализ всей структуры высказывания, передающего значение локализованности / нелокализованности: тип представления субъекта и объекта, значение предиката, способ характеристики интервала, особенности таксисных отношений и тому подобное.

Временная локализованность / нелокализованность действия тесно связана с реализацией признака конкретности / обобщенности как субъекта, так и объекта высказывания. С этой точки зрения можно выделить ряд основных субъектно-объектных отношений:

- а) конкретный деятель – конкретный объект;
- б) конкретный деятель – обобщенный объект;
- в) обобщенный деятель – конкретный объект;
- г) обобщенный деятель – обобщенный объект.

Выражение локализованного во времени действия возможно лишь при наличии конкретного деятеля и конкретного объекта. Данные ситуации не исключают сферы нелокализованности, но в последнем случае необходимы специальные средства характеристики интервала. Наличие обобщенного субъекта или объекта автоматически исключает сферу локализованности.

Функционально-семантическое поле локализованности / нелокализованности взаимодействует с функционально-семантическим полем таксиса. Семантические функции кратного таксиса

отличаются значительным разнообразием: как в русском, так и в карачаево-балкарском языках имеются конструкции, специально предназначенные для передачи определенных временных отношений между действиями.

При передаче таксисных отношений средствами карачаево-балкарского и русского языков существуют как сходства, так и различия в их лингвистическом конструировании, обусловленные типологическими сходствами и различиями в конкретном составе и организации функционально-семантическом поле таксиса обоих языков. В первую очередь имеется в виду наличие в русском языке такой грамматической категории, непосредственно связанной с формированием конкретно-языковой таксисной семантики, как глагольный вид, охватывающий абсолютно все формы русского глагола, включая причастия и деепричастия. В первой главе особое внимание уделяется анализу таксисных ситуаций в их взаимодействии с временной локализованностью / нелокализованностью действия.

Во второй главе «Ситуации нехарактеризованной и характеризованной повторяемости» анализируются способы и средства характеристики интервала, важнейшего признака любого повторяющегося действия.

Характеризация интервала в рассматриваемых языках может проходить двумя способами: по признаку регулярности/нерегулярности и по признаку частотности / нечастотности.

Регулярность/нерегулярность – признак, отражающий объективные свойства повторяющегося действия, с точки зрения равномерности/неравномерности интервалов (пауз) между повторениями действия (актами повторяющегося действия). Частотность/нечастотность – субъективная характеристика действия, оценка его повторяемости (частотности / нечастотности) с точки зрения говорящего. Основным способом характеристики интервала в анализируемых языках – лексический.

С учетом перечисленных признаков выявляются ситуации регулярной/ нерегулярной, частотной / нечастотной повторяемости с различными вариантами и подвариантами. Ситуации нехарактеризованной повторяемости отличаются отсутствием какой бы то ни было характеристики интервалов между отдельными повторяющимися действиями при общей констатации наличия

этих интервалов. Средства такой констатации могут быть различными: морфологическими, лексическими, синтаксическими. Ср. высказывания: *«Ол соруулагъа мен кесим джуаб берликме», - деб, сёз берди Назир («Къарачай», 1994) «На все эти вопросы я сам буду отвечать», - даёт слово Назир; К нам будут приезжать друзья. Какое счастье... (Л.Разумовская. Майя); Я буду ходить на места боёв бригады и обо всём новом буду ставить вас в известность (Д. Гусаров. Пропавший отряд); Ачыулалыб, Хамит ёрге – энииге барлыкъды, аллына тюбегенден ачыуун аллыкъды (Н. Хубиев. Джолла) «Рассерженный Хамит будет ходить вверх-вниз, на встречных срывать своё зло».*

Средства характеристики интервала разнообразны по своей природе. При этом признак регулярности/нерегулярности может по-разному взаимодействовать с признаком частотности/нечастотности, длительности/краткости: *Сказали, что будут звонить каждый час, мол, надо сказать что-то важное (Ю. Файбышенко. Розовый куст); «Хар эки сагъатдан хапар билдирirme, кетмей тур», - деди Осман (Байчоров М. Уллу Къарачайда) «Через каждые два часа буду извещать, не уходи», - сказал Осман; Летом мальчики часами будут пропадать на речке (А. Алексеев. Хлебозоры); Асланнга джукъ айтмай къойсанг, башын ёрге кёлтюрмей, сагъатла бла китаб акъурукъду (А-М. Батчаев. Каникуллада) «Если Аслану ничего не говорить, то часами, не поднимая головы, будет читать книгу».*

Наличие / отсутствие специальной характеристики интервала тесно связано с разграничением повторяемости и многоактности.

В зависимости от степени определенности / неопределенности интервала, способа его характеристики, наличия / отсутствия дополнительной характеристики по признаку длительности / краткости, нарастания / убывания признака частотности выделяются ситуации обобщенной и конкретной регулярности, обстоятельственной и объектной повторяемости, абсолютной и относительной повторяемости, в качестве особой разновидности выделяются ситуации положительной / отрицательной повторяемости.

В третьей главе «Ситуации простой повторяемости» рассмотрены ситуации простой повторяемости. За исходную точку субкатегоризации признака нелокализованности действия во

времени принимается положение А.В. Бондарко о наличии трех типов нелокализованности: простой повторяемости, узуальной и вневременности.

Ситуации простой повторяемости обладают следующими конститутивными признаками: перцептивностью (реальной и потенциальной), конкретностью субъектно-объектно-предикатных отношений, максимальной определённости рамок конкретного эпизода, в пределах которого повторяется действие.

Дифференцирующими признаками, по отношению к которым определяются разновидности простой повторяемости в русском и карачаево-балкарском языках являются:

- 1) однородность/разнородность глагольного действия в рамках конкретного эпизода;
- 2) единичность/множественность субъектной группы;
- 3) единичность/множественность объектной группы.

Ряд действий, повторяющихся в рамках конкретного эпизода, может быть однородным (повторяется одно и то же действие) или же разнородным (повторяются различные по своей природе действия): *Вот до самого отъезда я и буду напоминать вам своим о каждой дольке ...* (Л. Леонов. *Золотая карета*); *Мен эшикни къатына сюелиб, хар киргеннге сорума* (Н. Кагиева. *Джара*) *«Хорошо, я встану у дверей, у каждого, кто придет, буду я спрашивать;» Он то и дело будет вставать, торопливо набрасывать на него халат, подходить к двери, настороженно вслушиваться в звуки уличного боя*(М. Булгаков. *Белая гвардия*); *Кюн орталада тамам бек арыб, Асхат къысха-къысха терек тубюне барлыкъды, терекке таяныб солурукъду* (Н. Кагиева. *Булбул*) *«Кобеду, сильно устав, Асхат всё чаще будет заходить в тень дерева, прислоняться к нему и переводить дух ...»*.

Выражение простой повторяемости в основном характерно для глаголов, обозначающих действия, которые могут неоднократно прерываться и возобновляться через относительно малые промежутки времени.

В четвертой главе «Ситуации узуальной повторяемости» анализируются ситуации узуальной повторяемости.

В ситуациях узуальной повторяемости действия предстают отвлеченными от конкретного времени. Это уже уровень

познания того, что наблюдаемое явление не единичное, а обычное, повторяющееся с той или иной степенью регулярности.

Абстрагированность узуальных ситуаций различна и зависит прежде всего от степени обобщенности субъекта. Субъект может быть конкретным или обобщенным. Именно в последнем случае достигается высокая степень нелокализованности.

Ситуации узуального действия представлены двумя основными разновидностями: ситуации констатирующей и качественной повторяемости. Ситуации констатирующей повторяемости характеризуются тем, что в них обычно констатируется факт наличия повторяющегося действия (обычного или узуального) без какой-либо дальнейшей конкретизации: *Иван Сергеевич временами будет испытывать странные головные боли* (Д.Панов. Синий камень); *Анда – мында алай адамлагъа да тюберикбиз, амал джокъ* (Н. Кагиева. Къарча) *«Иногда будем встречаться и с такими людьми, что поделаешь»*.

Центральную зону узуальности образуют ситуации качественной повторяемости. Характеризовать субъект узуального действия могут различные средства: сам факт неоднократного осуществления того или иного действия, наличие признака потенциальной готовности осуществлять названное действие, наличие тех или иных особенностей в осуществлении действия, способность к осуществлению действия должным образом (с точки зрения говорящего, выражающего «коллективный» опыт) и т.д. В зависимости от способа характеристики субъекта, степени его конкретности / обобщенности, наличия дополнительных модальных оттенков производится субкатегоризация узуальной качественности и выделяются ситуации групповой, индивидуальной, оценочной и потенциальной качественности: *Но Евграфий Николаевич не уезжает, потому как сидит в нем мужицкое упрямство: все одалею, все перетерплю, а землю каждую весну засеять буду* (И. Евсеенко. Петушины дворики); *Къатын тюлмюсе, ариу сёзге оюлуб къаллыкъса, агъайлычыкъ* (Н.Кагиева. Эки кызыл тюмен) *«Разве ты не женщина, красивому слову всегда поверишь»*; *Только учти, он очень скромный, будет отнекиваться, но ты не отставай* (А. Стругацкий, Б.Стругацкий. Град обреченный); *Да, джаным, аны адети алайды: бетинден махтар, ызын-*

дан сёгер (О. Хубиев. Дерт) «Да, душа моя, у неё обычай такой: в лицо похвалит, а вслед ославит».

Квалитативность в целом характерна для высказываний, представленных целеустремленно действующим субъектом, реже – с пассивным субъектом, который не столько действует, сколько проявляет свои свойства.

При функционировании форм будущего времени собственное значение форм находит свое выражение в наличии различных модальных оттенков готовности, возможности / невозможности, оценочности, долженствования и так далее. Признак потенциальности при таком употреблении может взаимодействовать с признаком длительности и компаративности. Повторяемость действия приобретает особое свойство: она сопряжена с оценкой того, что повторяется, как выходящего за рамки конкретного эпизода и конкретного ряда повторений. Узуальность всегда предполагает перспективу аналогичных повторений, тем самым она всегда связана с той или иной мерой типичности.

В пятой главе «Ситуации вневременности» рассматривается явление вневременности, его основные конститутивные признаки. В таких ситуациях абстрагирование от конкретного момента или отрезка времени достигает наивысшей точки, предела. Особую значимость приобретает позиция говорящего, который выступает как выразитель общечеловеческого опыта. Вся ситуация характеризуется максимальной степенью генерализации субъектно – предикатно – объектных отношений, принципиальной невозможностью пространственно – временных ограничений. Высказывание служит для передачи общезначимого факта, проявляющегося не только в настоящем, но и в будущем.

Вневременные ситуации выражают действия, происходящие или возможные в любое время с любым членом класса субъектов, или процессы, изменения в тех или иных условиях их взаимодействия в силу объективных физических или иных свойств самих этих предметов.

Субъектом вневременного действия может быть обобщенное лицо, естественный класс (волки, рыбы, люди), природные явления, вещества (гром, молния, землетрясение, град), а также отвлеченные понятия (добро, зло, горе, зависть, мудрость).

Ситуации вневременности при функционировании форм будущего времени в анализируемых языках характеризуются наличием дополнительных модальных оттенков неизбежности, невозможности, совета, опасения и так далее. *«Тише едешь – дальше будешь»*, - уточнил Сергей (Г. Гуревич. На прозрачной планете); *Акъырын баргъан арымаз* (Посл.) *«Медленно идущий – не устанет»*; *Артыкъ джумушакъ болма – бюгерле; артыкъ къаты да болма – сындырырла* (Посл.) *«Не будь слишком мягким – согнут, не будь и слишком твердым – ломают»*; *«Будешь трудиться, будет у тебя и хлеб, и молоко водиться»*, - заметил Иван Александрович и лукаво улыбнулся (А. Коптелов. Великое кочевье).

В заключении диссертации даются следующие основные выводы проведенного исследования:

1. В карачаево – балкарском и русском языках семантическая категория временной локализованности / нелокализованности не опирается на специальную систему грамматических форм, но находит своё выражение при участии лексических, лексико-грамматических, синтаксических и некоторых иных средств контекста.

2. Категория временной локализованности / нелокализованности, являющаяся элементом «скрытой» грамматики, представляет собой функционально – семантическое поле, структурная сложность которого обуславливает анализ элементов разных уровней языка, рассмотрение содержательно – типовых структур, представленных в конкретных высказываниях.

3. Ситуативный подход к анализу высказываний со значением временной нелокализованности позволяет выделить общие критерии, характеризующие ситуации временной нелокализованности в целом, и в то же время учитывать специфику каждого подтипа и варианта, рассмотреть в определенной системе ситуации, в которых значение временной нелокализованности представлено наиболее ярко, выпукло, и те, в которых нелокализованность граничит с локализованностью. Особое внимание при таком типе анализа уделяется рассмотрению переходных случаев (ситуации вневременности и статальные ситуации; ситуации вневременности и ситуации обобщенного факта), которые совмещают в себе элементы разных типов категориальных ситуаций.

4. Выполненный анализ позволяет сделать вывод об универсальном характере семантической категории локализованности/ нелокализованности действия во времени. Универсальным характером объясняется наличие сходных содержательных типов нелокализованности в карачаево – балкарском и русском языках.

5. В то же время анализ языкового материала позволяет говорить о наличии различий в средствах и способах выражения временной локализованности / нелокализованности в карачаево-балкарском и русском языках. Различие во многом связано с наличием/ отсутствием специфической категории вида. Как известно, карачаево-балкарский глагол не обладает грамматической категорией вида, как глаголы русского и других славянских языков.

6. Формы будущего совершенного и будущего несовершенного в русском языке по-разному взаимодействуют с семантикой локализованности/нелокализованности. Центральными средствами выражения нелокализованности являются формы несовершенного вида, способные передавать любые оттенки нелокализованности. Формы же совершенного вида относительно широко представлены в узуально-потенциальных и потенциально – временных ситуациях.

7. Формы будущего времени в карачаево-балкарском языке как «безвидовые» не имеют принципиального ограничения в выражении значения локализованности/нелокализованности и провести полную параллель с временными формами русского глагола невозможно. Можно лишь отметить, что выражение простой повторяемости в большей мере связано с формами будущего категорического, которые легко сочетаются с лексическими показателями кратности. Формы будущего неопределенного тяготеют к сфере узуальности и временности. Они широко представлены в пословицах, поговорках, образных выражениях, успешно конкурируя с формами настоящего времени. Возможно, что в оппозиции, существующей между двумя формами будущего времени карачаево – балкарского глагола, немаркированным членом является форма будущего неопределенного, которая не выражает, но и не исключает признак категоричности и определенности. Данные оттенки могут актуализироваться в том или ином высказывании под воздействием контекста, который как бы «включает» и «вы-

ключает» тот или иной семантический признак. Можно предположить, что чем меньше воздействие окружающей среды на систему, тем неопределеннее (обобщение) значение данной временной формы.

Форма будущего категорического, как маркированный член семантической оппозиции категоричности / некатегоричности, обладает постоянным положительным признаком, что сужает сферу его употребления при реализации значения вневременности.

8. Важным признаком ситуаций повторяемости является наличие характеризованного интервала. В рассматриваемых языках основной способ характеристики интервала – лексический.

9. Анализ ситуаций нелокализованности в карачаево-балкарском и русском языках позволяет сделать вывод о том, что один и тот же смысл тот или иной язык реализует своими специфическими средствами, наличие которых обусловлено природой самого языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Ситуации повторяемости действия (на материале высказываний с формами будущего времени). / Российский гос. пед. Ун-т им. А. И. Герцена. – Л.: 1991. – 21 с. Деп. в ИНИОН АН СССР.

2. Ситуации вневременности в современном карачаево-балкарском языке // Региональное кавказоведение и тюркология. Тезисы докладов. – Карачаевск, 1998. – С. 113-115.

3. Ситуации индивидуально обусловленной качественности в карачаево-балкарском и русском языках // Региональное кавказоведение и тюркология. Тезисы докладов. – Карачаевск, 2001. – С. 171 – 173.

4. К сопоставительному описанию функционально-семантического поля временной нелокализованности действий в карачаево-балкарском и русском языках // Региональное кавказоведение и тюркология. Тезисы докладов. – Карачаевск, 2001. – С. 173 – 175.